

## ЧЕЛОВЕК, ПОСРАМИВШИЙ ВЧК

Когда человек какой-нибудь самой мирной профессии, отнюдь не склонный ни к импульсивным разрядам, ни к авантюрным кунштюкам, совершает вдруг что-либо выходящее далеко за пределы обыденной осторожности, люди здравомыслящие обычно разводят в недоумении руками, поминая в лучшем случае нечистую силу, обитающую согласно фольклорным традициям чуть ли не в каждом тихом омуте. Стойко-му толстовцу Валентину Федоровичу Булгакову (1886–1966) по крайней мере трижды довелось поступать, как говорится, очертя голову, вопреки опасливой житейской осмотрительности, но никогда не испытывать потом сожаления по поводу своего образа действий.

Первый такой шаг, определивший всю его дальнейшую судьбу, он сделал в январе 1910 года, покинув без малейших колебаний историко-филологический факультет Московского университета по завершении седьмого семестра и заняв по рекомендации В.Г. Черткова место секретаря А.Н. Толстого. К тому времени Булгаков уже отчетливо сознавал, что удовлетворение духовных потребностей для него гораздо важнее диплома о высшем образовании и, соответственно, будущей служебной карьеры.

Несравненно более серьезным испытанием оказалась для него вспыхнувшая в Европе Первая мировая война с ее повсеместным милитаристским и патриотическим угаром. Перед ним, убежденным пацифистом, не стоял вопрос, что может он предпринять в сложившейся ситуации, ибо доступно ему было лишь одно — антивоенное выступление. Он подготовил эмоци-

онально насыщенную статью против войны и, размножив ее на пишущей машинке, принялся рассылать многочисленные копии по различным адресам. Впоследствии он рассказал о мотивах своего неадекватного, с точки зрения властей, поведения, за которое и поплатился фактически неизбежным тюремным заключением (1914–1915):

*«Бывают случаи, когда молчать грех, когда вся несправедливость, весь ужас, все безумие жизни мира достигают крайних, непостижимых размеров, разрушающих всякую возможность молчаливого наблюдения и терпения, когда к горлу подступает удушье от страшного кошмара и — хочется громко крикнуть!»*

*Тогда не надо молчать. И искренний человек всегда скажет, что молчание в подобный момент — это измена долгу человека и христианина. Надо крикнуть: человек чувствует, что в противном случае он потеряет самоуважение. Надо крикнуть, не размышляя даже о последствиях этого крика: сначала — долг, а потом все остальное. <... >*

*Я предполагал, что очень скоро одно из моих писем с вложенной статьей будет вскрыто где-нибудь на почте и тогда меня посадят в тюрьму. Но, право, в то время подобный исход дела представлялся мне только средством к облегчению моего душевного состояния, удрученного военными событиями и сознанием виновности в молчаливом отношении ко всему происходившему. Запрут в тюрьму, и хоть тогда уменьшится это чувство ответственности во всех происхо-*